
А. А. РОМАНЧУК

ОТВЕТ О. Л. ГУБАРЕВУ И НЕКОТОРЫЕ ДРУГИЕ ВОПРОСЫ ВАРЯГО-РУССКОЙ ДИСКУССИИ*

Статья представляет собой ответ (в рамках организованной редакцией журнала «История и современность» дискуссии) на комментарий О. Л. Губарева к некоторым работам автора. Помимо того, были проанализированы и озвученные недавно А. С. Щавелевым и М. В. Елиферовой возражения против предложенной ранее С. Л. Николаевым гипотезы о существовании отдельного «русско-варяжского диалекта». Показано, что ни возражения А. С. Щавелева, ни возражения М. В. Елиферовой гипотезу С. Л. Николаева нисколько не подрывают. Работа же М. В. Елиферовой, даже наоборот, добавляет новые существенные аргументы в пользу гипотезы С. Л. Николаева.

Ключевые слова: *варяго-русская дискуссия, норманнизм, антинорманнизм, варяги, русь, скандинавы, русско-варяжский диалект.*

Уже более 10 лет О. Л. Губарев пытается вступить со мной в «дискуссию» (увы, без кавычек тут, полагаю, не обойтись). Недавно он предпринял очередную попытку – выслав свой комментарий (Губарев 2024) к статье (Romanchuk 2023; Романчук 2024а) в редакцию журнала «История и современность».

Ранее я все эти попытки О. Л. Губарева просто игнорировал. Причины такой моей позиции, думаю, лучше будет изложить в заключительной части данного текста – завершая анализ тезисов О. Л. Губарева, а не предваряя его. Впрочем, рискну предположить, что движущие мной причины станут достаточно ясны читателю уже по ходу самого этого анализа. Равно как, думаю, они давно

* **Для цитирования:** Романчук, А. А. 2024. Ответ О. Л. Губареву и некоторые другие вопросы варяго-русской дискуссии. *История и современность* 4: 95–133. DOI: 10.30884/iis/2024.04.06.

For citation: Romanchuk, A. A. 2024. Answer to Oleg L. Gubarev and Some Other Questions of the Varangian-Russian Discussion. *Istoriya i sovremennost' = History and Modernity* 4: 95–133 (in Russian). DOI: 10.30884/iis/2024.04.06.

История и современность, № 4, декабрь 2024 95–133

DOI: 10.30884/iis/2024.04.06

очевидны и самому О. Л. Губареву (хотя и вряд ли правильно им поняты).

Как бы то ни было, на этот раз я решил, отчасти благодаря пожеланиям редакции журнала «История и современность», все же ответить О. Л. Губареву.

Поэтому приступим.

Итак, О. Л. Губарев начинает (собственно, он уделяет этому большую часть своего текста) с попытки в очередной раз «доказать» свой (и Л. С. Клейна) давний тезис: «Никакого норманнизма не существует». И с этой целью в том числе пытается оспорить предложенное мною ранее определение норманнизма как научного направления.

Должен признаться, однако, что я вообще не вижу здесь проблемы, требующей обсуждения. И ранее я неоднократно (и, как мне кажется, более чем внятно) постарался показать, почему норманнизм как научное направление, безусловно, существует.

Собственно, отрицая существование норманнизма как научного направления, О. Л. Губарев пытается «доказать» по определению недоказуемое: если нет норманнизма, то откуда бы взяться антинорманнизму (само название которого подразумевает реакцию, ответ на норманнизм)?

Попытки О. Л. Губарева апеллировать в качестве «доказательства» своего тезиса к тому, что количество предлагаемых в науке определений норманнизма более одного (но, кстати, не так много, как это представляется О. Л. Губареву: «Каждый неоантинорманист дает свое определение пресловутому “норманизму”, что указывает на то, что данное явление, скорее всего, в реальности не существует» [Губарев 2024: 79]), и вовсе представляют собой нонсенс.

Огромное множество явлений окружающего нас мира существует, не имея при этом никакого определения ни в одном из человеческих языков. Им (явлениям) это нисколько не мешает существовать.

Кстати, хорошей «лакмусовой бумажкой» здесь для О. Л. Губарева могла бы послужить попытка таким же образом подойти к вопросу о существовании антинорманнизма. Позиции представителей которого много разнообразнее (что, кстати, отмечает и сам О. Л. Губарев) и еще хуже поддаются совмещению в рамках общего определения.

Впрочем, как что-то мне подсказывает, то, что применение предлагаемого О. Л. Губаревым «метода» аргументации к иному объекту при тех же условиях даст абсурдный, с его же точки зрения, результат (позволит аналогичным же образом отрицать и существование антинорманизма), самого О. Л. Губарева несколько не смутит.

Далее, попросту забавно (увы, но мне придется достаточно часто использовать этот эпитет по отношению к тексту О. Л. Губарева), что, прибегая к действительно изумительной эквилибристике, одним из «доказательств» отсутствия норманизма О. Л. Губарев предлагает считать якобы испытываемые мною сомнения по поводу предложенного мною же критерия разделения норманистов и антинорманистов.

Еще забавнее, что О. Л. Губарев в качестве «доказательства» существования этих «сомнений» тут же цитирует мои слова, из которых недвусмысленно следует как раз прямо противоположное: «Романчук фактически сам признает, что определение “норманизма” очень расплывчато: “Норманизму как научному направлению можно дать достаточно четкое определение... Насколько данное мною определение удачно – судить читателям. И хотя можно, наверное, это определение уточнять, дополнять, корректировать, все же очевидно, что оно отражает реально существующий феномен” (Романчук 2024а: 82). Но если каждый антинорманист дает свое определение этому явлению, то есть, по выражению Романчука, уточняет, дополняет и корректирует, то есть дает совершенно другое определение данному явлению, то стоит усомниться в том, что оно реально существует» (Губарев 2024: 81).

Право, я затрудняюсь ответить, каким образом возможно, чтобы мое вполне однозначное утверждение («Норманизму как научному направлению можно дать достаточно четкое определение») – вдруг стало толковаться как свидетельство якобы моих сомнений.

Пожалуй, в данной ситуации (и не только в данной, поскольку это обычный и характерный для О. Л. Губарева прием ведения «дискуссии») могу лишь порекомендовать О. Л. Губареву делить мои (и прочих «оппонентов») тезисы не на предложения и даже не на слова – а сразу на буквы. Из которых О. Л. Губарев затем сможет сложить все, что будет его душе угодно – буквы стерпят все.

Увы, рискуя разочаровать О. Л. Губарева, никаких сомнений здесь я не испытываю. Использованный мною в процитированном отрывке оборот – лишь обязательная, на мой взгляд, норма вежли-

ности в научном тексте. Уточнять же, дополнять и корректировать можно любое определение, что никак не может толковаться в качестве признака сомнения как в верности этого определения, так и (тем более) в существовании отражаемого им феномена.

Что же касается предлагаемого мной определения норманнизма (и антинорманнизма), то буду лишь рад, если кто-то предложит более удачное.

Однако мне представляется вполне очевидным, что не только самым главным, фундаментальным, но и фактически единственно возможным вопросом-критерием, который и позволяет разбить всю (подчеркну: всю) совокупность исследователей (равно как и «болельщиков» – представителей околонучных и вообще вненаучных, но «живо интересующихся» вопросом кругов), вовлеченных в обсуждение проблемы возникновения древнерусского народа и государства, на два подмножества, соответствующих определениям «норманнисты» и «антинорманнисты», будет вопрос: «Считаете ли вы варягов (и русь до их славянизации) скандинавами?»

Все норманнисты однозначно отвечают на этот вопрос утвердительно. Тогда как все антинорманнисты либо отвечают на него так же однозначно отрицательно, либо предлагают более сложные варианты ответа.

Такая жесткая корреляция между избранным вариантом ответа и соответствующим подмножеством как раз наглядно демонстрирует, что именно данный вопрос-критерий делает нашу классификацию «работающей» и отражающей реальность.

Если моя аргументация здесь остается для О. Л. Губарева все еще неочевидной, могу лишь посоветовать ему обратиться к блестящей «Археологической типологии» Л. С. Клейна (1991), где базовые принципы классификации и типологии объясняются весьма детально и внятно.

В качестве еще одного «возражения» против обозначаемого мною критерия разделения норманнистов и антинорманнистов О. Л. Губарев предлагает то, что антинорманнисты, исходя из этого критерия, оказываются в подавляющем меньшинстве: «К чести А. А. Романчука, он дал свое определение “норманизма”, которое превращает в норманизм всю современную отечественную и зарубежную историческую науку, за исключением Г. В. Вилинбахова, А. Г. Кузьмина, В. В. Фомина, В. И. Меркулова, Л. К. Грот, Е. С. Галкиной и самого А. А. Романчука» (Губарев 2024: 82).

Однако (и, опять-таки, увы для О. Л. Губарева) даже если в итоге процедуры классификации согласно озвученному критерию я оказался единственным представителем современного антинорманизма, это никак не могло бы трактоваться как доказательство отсутствия норманизма или же неверности предложенной классификации.

Впрочем, представителей антинорманизма сегодня все же много больше, чем утверждает здесь О. Л. Губарев. Но это, собственно, неважно.

Научные проблемы не решаются и не могут решаться голосованием. А вся история науки весьма наглядно свидетельствует о том, что большинство очень и очень даже может ошибаться – правы же нередко оказываются как раз одиночки.

Надеюсь, озвученный выше вывод (а еще более – предшествующие ему разъяснения) позволит развеять подозрения О. Л. Губарева в том, что якобы я, как он выразился, «пытаюсь откреститься от антинорманизма» (буквально так: «Романчук считает, что варяги – это балтийские славяне (Романчук 2013б), это сразу ставит его в ряды неоантинорманистов, как бы он от этого ни отрекся и ни называл свою статью “взглядом со стороны”» [Губарев 2024: 86]).

Вообще этот вопрос отчего-то очень задевает О. Л. Губарева. И, видимо, оттого (или в силу его «важности») неоднократно им затрагивается в рассматриваемом тексте.

Так, процитирую: «Себя автор статьи позиционирует как человека, стоящего над схваткой, которого “норманисты” считают “антинорманистом”, а “антинорманисты” считают “норманистом” (Романчук 2024а: 83). Правда, я нигде не встречал статей, в которых бы А. А. Романчук был назван “норманистом”, и, думаю, привести подобные примеры он сам тоже не сможет. Отмечу, что в последнее время принадлежать к антинорманизму как маргинальному явлению в исторической науке стало неудобно, и другие неоантинорманисты, например М. И. Жих, тоже стараются не относить себя к антинорманизму (возможно, в этом есть малая заслуга автора данной статьи)» (Губарев 2024: 82).

Признаться, подобные подозрения в принципе представляются мне достаточно странными, тем более что предлагаемый мною же критерий разделения норманистов и антинорманистов автоматически относит меня к стану последних. Впрочем, каждый судит по себе.

Однако, безусловно будучи антинорманистом, я действительно (и не раз), пусть и в частных беседах, сталкивался с восприятием своей позиции как существенно отличающейся от позиций других антинорманистов и сближающейся с позицией норманистов. То, что сегодня антинорманисты в большинстве своем отнюдь не воспринимают меня как своего безусловного сторонника (если вообще сторонника), хорошо видно также и по тому, на что именно в моих работах по варяго-русской проблеме они ссылаются (а еще более – на что не ссылаются).

И совершенно верно также и то, что в момент вхождения в дискуссию по варяго-русскому вопросу (именно этой своей первой статье по данной теме я и дал цитируемый О. Л. Губаревым подзаголовок: «Взгляд со стороны») у меня отсутствовали какие-либо предпочтения в отношении любой из сторон этой дискуссии. И поэтому, смею надеяться, это был именно «взгляд со стороны».

Разумеется, в процессе анализа проблемы у меня сформировалась своя позиция, которая, замечу, отличается (нередко – весьма) от позиций всех прочих участников этой дискуссии, причем принадлежащих к стану как норманистов, так и антинорманистов; именно это и позволяет мне считать себя «третьей силой» в этой дискуссии. Насколько эта позиция остается «взглядом со стороны» – судить, как я неоднократно повторял, другим.

Однако совершенно точно, что я никогда не втягивался (и, надеюсь, не буду) в те безобразные раздоры, в которые сегодня нередко перерастает дискуссия между норманистами и антинорманистами. «Голый конунг норманизма» (В. В. Фомин) или «бить канделябрами за такие гипотезы» (В. Я. Петрухин) друг друга вполне стоят.

Поэтому, по крайней мере в данном отношении, я уж точно «стою над схваткой».

Надеюсь, сказанного вполне достаточно, чтобы пояснить мою позицию в этом вопросе.

Поэтому позволю себе перейти к другой живо волнующей О. Л. Губарева теме – теме «обывательского норманизма» (как я его обозначил) и тому, «кто к обывательскому норманизму относится».

Характерным и ключевым моментом тезисов О. Л. Губарева на этот счет является его стремление представить ситуацию таким образом, что якобы я вообще пытаюсь (и в том числе дополнительно

за счет введения термина «обывательский норманнизм»), равно как и другие антинорманнисты, попросту использовать термин «норманнизм» для дискредитации позиции представителей этого научного представления.

Собственно, О. Л. Губарев заявляет это и прямо: «Иначе почему бы не отказаться от использования данного термина и не заменить его на другой, не имеющий негативных коннотаций? Но нет, в интересах неоантинорманнистов использование именно этого термина, и они никогда от него не откажутся в силу указанных выше причин» (Губарев 2024: 81–82).

Читать эти утверждения О. Л. Губарева более чем странно и опять-таки забавно. Поскольку я с самого начала, с работ (Романчук 2013а: 283, 2013б: 71), и далее неоднократно совершенно прямо и безоговорочно заявлял, что никакого негативного смысла я в термин «норманнизм» (как научное направление) не вкладываю. В том числе я это повторил и в той свежей статье, которая послужила О. Л. Губареву очередным поводом для «дискуссии» со мной и которую он вроде бы читал (и читал только что).

Прочитав: «Я неоднократно отмечал и хотел бы особо подчеркнуть, что считаю существование норманнизма как научного направления явлением чрезвычайно позитивным для науки (и конкретно для вопроса о происхождении руси и Древнерусского государства)» (Романчук 2024а: 82; Romanchuk 2023: 95).

Более того, в этой статье я как раз (и неоднократно) именно и заменяю термин «норманнизм» термином «скандинавоцентричная парадигма» (Романчук 2024а: 91–95). А статья (Romanchuk 2023) вообще носит название «“Blind Spots” of the “Scandinavian-Centric” Hypothesis on the Origin of the Old Russian State». Еще раз: «“Scandinavian-Centric” Hypothesis».

Наконец, в обсуждаемой статье я говорю не только об «обывательском норманнизме» – но и об «обывательском антинорманнизме»: «Помимо научного норманнизма, существует и норманнизм (как и антинорманнизм, разумеется – и даже, пожалуй, в большей степени), если так можно выразиться, “бытовой”, обывательский» [Романчук 2024а: 83]).

Каким образом О. Л. Губарев умудрился всего этого «не заметить»? Не буду озвучивать возможные варианты ответа, но все они для О. Л. Губарева нелицеприятны.

Так что я вовсе не против замены термина «норманнизм» каким-либо иным. Только, разумеется, если не пытаться заменять термин «норманнизм» термином «нормальная наука» (как в свое время предлагал Л. С. Клейн). Поскольку, кроме улыбки, подобные претензии ничего более не вызывают.

Но, как мне кажется, дело здесь вовсе не в термине. И любой новый термин тоже, и очень быстро, обрастет «негативными коннотациями» – если не изменится главное. То есть, как я неоднократно повторял, если участники дискуссии не научатся относиться друг к другу с уважением.

Обращаясь далее к собственно проблеме «обывательского норманнизма» в ее восприятии О. Л. Губаревым, начну с его утверждения об «отсутствии» текстов, которые можно было бы отнести к жанру «обывательского норманнизма»: «“О том, что этот «обывательский норманнизм» (как и антинорманнизм), увы, существует (и процветает) и сегодня, свидетельствуют мелькающие в западных СМИ статьи, где возникновение Древнерусского государства рисуется примитивно-норманнистским образом, на уровне представлений позапрошлого века” (Романчук 2024а: 83). Характерно, что ссылок на такие работы зарубежных ученых, которые он имеет в виду под “обывательским норманнизмом”, Романчук не приводит, а говорит о них огульно. И понятно, почему. Потому что такие ссылки привести невозможно в связи с отсутствием подобных книг и статей в зарубежных научных исторических журналах» (Губарев 2024).

Здесь О. Л. Губарев почему-то игнорирует мое прямое указание на то, что речь идет о статьях в СМИ (еще раз: «мелькающие в западных СМИ статьи» [Романчук 2024а: 83]). Как игнорирует («Он выделяет отдельно “научный норманнизм”, не указывая, чем же он отличается от “бытового, обывательского норманнизма”» [Губарев 2024]) и содержащееся здесь же указание на один из характерных признаков «обывательского норманнизма» – то, что в этих текстах «возникновение Древнерусского государства рисуется примитивно-норманнистским образом, на уровне представлений позапрошлого века» (Романчук 2024а: 83).

Думаю, что, посетив хотя бы сайт «ИноСМИ» (где даются в переводе на русский статьи зарубежной прессы), О. Л. Губарев достаточно легко обнаружит такие, в духе обывательского норманнизма, статьи.

Однако весьма забавно, что, если говорить о проявлениях «обывательского норманнизма» вне СМИ, в «научных» (точнее, претендующих на научность) текстах, то весьма ярким образом обывательского норманнизма служит как раз подавляющее большинство (но, подчеркну: все же не все) текстов самого О. Л. Губарева.

Причем включая и обсуждаемый здесь, где, в частности, он пишет буквально следующее: «Именно так интерпретируют неоантинорманнисты любые попытки объективно взглянуть на уровень развития восточных славян дорюриковской эпохи (Минасян 2012; Губарев 2020), которым они приписывают создание “союзов племен” и даже “суперсоюзов”, наличие “богатой славянской знати” и “политогенез” (Жих 2020: 116)» (Губарев 2024).

То есть О. Л. Губарев прямо и недвусмысленно отрицает здесь (и в своей более ранней статье, на которую он ссылается) и существование у восточных славян до Рюрика (по его мнению, соответственно – до прихода скандинавов) знати, и возникновение предгосударственных образований, и даже в целом процессы политогенеза.

Прошу прощения, но это попросту очевидный нонсенс. И нонсенс именно в стиле «обывательского норманнизма», который, в принципе, даже не имеет смысла как-то специально критиковать.

Сегодня (и уже давно) в науке никто не сомневается ни в существовании предгосударственных образований у восточных славян еще задолго до Рюрика, ни в существовании у них же знати – тоже задолго до Рюрика (краткий, но емкий обзор накопленных на сегодняшний день наукой данных на этот счет: [Толочко 2016: 157–213]). Да это, вообще говоря, очевидно уже хотя бы из того, что каждое из упоминаемых в «Повести временных лет» восточнославянских племен (поляне, древляне, дреговичи, кривичи, вятичи, радимичи и прочие) занимает и контролирует (и опять-таки задолго до Рюрика) весьма обширную территорию, что по определению подразумевает уже достаточно сложную политическую и социальную организацию. Несомненно, что каждое из этих «племен» состояло из более мелких организационных единиц и имело многоуровневую (двухуровневую как минимум) иерархическую организационную структуру.

Наконец, даже такие славянские политические термины, как «князь» и «бояре» (обозначающие соответственно правителя и правящую элиту), имеют общеславянский характер и еще праславян-

ское происхождение. То есть – опять-таки, они возникли по определению задолго до Рюрика.

Собственно, этот нонсенс (авторства О. Л. Губарева) был уже вполне убедительно и подробно проанализирован и подвергнут справедливой, убедительной и жесткой критике М. И. Жихом (2020). Что, однако, как видим, нисколько не побудило О. Л. Губарева от этого нонсенса отказаться.

Почему О. Л. Губарев продолжает на этом нонсенсе настаивать – вопрос отдельный и, в принципе, как кажется, уже риторический.

Таким образом, как видим, примеры «обывательского норманнизма» сегодня на самом деле отыскать легко – и ходить за ними далеко даже не нужно¹.

Поэтому, отвечая на тоже живо интересующий О. Л. Губарева вопрос (думаю, с вполне очевидным на самом деле для него ответом) на этот счет («Интересно, кого Романчук имеет в виду под “обывательскими норманнистами” и кого под “действительно прекрасными учеными”?» [Губарев 2024]), вынужден подтвердить: да, я действительно считаю О. Л. Губарева типичным представителем обывательского норманнизма.

¹ Наконец, и опять-таки вопреки О. Л. Губареву, проявления «обывательского норманнизма» вполне обнаруживаются и в академических (по крайней мере – формально академических) зарубежных изданиях. Наглядным примером могут служить крайне популярные на Западе работы О. Прицака (они, признаться, вызывают у меня достаточно смешанные чувства – поскольку собственно научный анализ в них вполне мирно соседствует с настолько фантастическими, тенденциозными и абсолютно произвольными допущениями, что возникают серьезнейшие сомнения в том, что эти работы действительно можно отнести к жанру научных). В частности, О. Прицак пришел к весьма оригинальному выводу, что «идеи государственности не возникают спонтанно, но переносятся из одного региона в другой, а ее носителями и основателями государств являются купцы и воины, наиболее рано выделившиеся в профессиональные группы населения... Из последующего изложения видим, что во Францию или Германию, а также Хазарию государственность все же не была принесена, но родилась там спонтанно. А вот в среду восточных славян была, да еще сразу с двух сторон, с запада и востока. Некое торговое объединение “Русь”, возникшее где-то в Галлии, как полагал О. Прицак, устремило свои интересы на восток. В это же время (около середины VII в.) аналогичное объединение восточных купцов устремило свои интересы на запад. Два потока столкнулись на Волге и общими усилиями создали Древнерусское государство. Изначально оно состояло из двух частей, северной, где хозяевами положения были венецкие и готские кланы, и южной, где господствовали авары, болгары, хазары. А где же славяне? Их, как будто, и вовсе не было» (Толочко 2016: 102–103).

Требуется ли это особых комментариев?

И, напротив, я категорически не согласен с тем, что якобы «под “обывательским” и “филистерским” норманнизмом он имеет в виду, конечно же, саркастические статьи, критикующие неоантинорманнистов без вступления с ними в “научную дискуссию”» (Губарев 2024: 84–85), с перечислением длинного списка авторов таких статей.

Всех перечисленных О. Л. Губаревым в этом списке исследователей (за категорическим исключением самого О. Л. Губарева) и огромное множество других сторонников норманистских гипотез я считаю как раз и именно «действительно прекрасными учеными». И неоднократно об этом говорил публично в различных своих статьях. Начиная уже с того, что свои первые работы по варяго-русской проблеме я начал с весьма недвусмысленного посвящения: «А. Г. Кузьмину, Л. С. Клейну, В. Б. Вилинбахову, Т. Н. Джек-сон, Е. А. Мельниковой, О. Н. Трубачеву и В. В. Фомину – с огромным уважением» (Романчук 2013а: 283, 2013б: 70).

Но что касается «саркастических статей, критикующих неоантинорманнистов без вступления с ними в “научную дискуссию”», этих ли, либо же любых других ученых, то не думаю, что эти статьи могут быть названы их творческой удачей.

Я отнюдь не против сарказма (если он не перерастает в хамство), и когда это сарказм тонкий и умный – читаю такие статьи с огромным удовольствием².

² Собственно, О. Л. Губарев неверно трактует и мои слова по поводу «замены анализа аргументов психоанализом оппонентов» («Романчук уже неоднократно обвинял ученых, критикующих неоантинорманизм, в том, что они заменяют анализ аргументов неоантинорманистов их психоанализом [Романчук 2024а: 84]. Далее А. А. Романчук сам переходит, видимо, не замечая этого, к психоанализу») (Губарев 2024: 85).

Прежде всего, не думаю, что какие-либо мои слова в цитируемой О. Л. Губаревым статье (или любой другой) действительно достигают уровня «психоанализа». Но важнее другое – смысл моего высказывания существенно иной. И писал я (адресуя эти слова, кстати, равно как норманистам, так и антинорманистам) буквально следующее: «...вместо того, чтобы рассуждать о мотивах друг друга и заменять анализ аргументов психоанализом оппонента – давайте обсуждать именно главные и относящиеся к сути дискуссии вопросы и, что принципиально, – не искажать позиции оппонентов» (Романчук 2013а: 295).

Умный, глубокий и корректный (очень важно!) «психоанализ» – пусть и очень даже не лучшее решение (оппонент всегда будет реагировать на него болезненно), но все же не то чтобы вовсе неуместен.

Категорически же недопустимо, на мой взгляд, когда такой «психоанализ» (сколь бы умен, глубок и корректен он ни был – хотя без предварительного глубо-

Но я также совершенно уверен, что самое тонкое и блестящее остроумие ни в малейшей степени не может заменить научную аргументацию. Научные вопросы не могут решаться ни с помощью наиострейшей сатиры, ни с помощью самого блестящего остроумия.

Ни то ни другое попросту ничего не доказывает и ни в чем оппонентов не убеждает.

Вынужден повторить: «И когда с капитальными пятисотстраничными работами С. А. Геденова, А. Г. Кузьмина и самого В. В. Фомина, чрезвычайно насыщенными фактами, аргументами, вопросами и действительно привлекающими огромное количество источников, зачастую ускользающих от внимания норманистов, “расправляются” одной-двумя фразами, оставляя поставленные ими вопросы совершенно без ответа, подобная “критика” нисколько не убеждает» (Романчук 2013а: 294, 2013б: 120).

Надеюсь, что из вышеизложенного О. Л. Губареву станет вполне ясно, кого я считаю представителями обывательского норманизма, и кого, наоборот, «действительно прекрасными учеными».

Должен, однако, также заметить, что вообще сама постановка этого вопроса О. Л. Губаревым, равно как и манера его обсуждения и особенно способ аргументации предлагаемого им вывода, представляются попросту неприемлемыми и вообще, и уж тем более в тексте, претендующем на статус научного.

Прошу извинить, но де-факто это напоминает политический донос, а отнюдь не научную дискуссию. Если в рассматриваемом тексте О. Л. Губарева (да, впрочем, и в большинстве других его текстов) заменить антинорманистов на троцкистов, этот текст, рискну предположить, вполне органично смотрелся бы в кругу текстов определенного рода в 1937 г.

Так, помимо представленного выше, О. Л. Губарев пишет: «И хотя открыто об этом А. А. Романчук не говорит и старается объяснить “инерцией мышления”, но из такого подхода подспудно следует, что все так называемые “норманисты” (а это почти все археологи и историки, отечественные и зарубежные, считающие варягов скандинавами) настолько глупы, что не могут сделать правильные выводы из собственных вполне профессиональных работ» (Губарев 2024: 89–90).

кого анализа аргументов он таковым быть и не может по определению) попросту подменяет собой анализ аргументов.

С каких пор несогласие с тем или иным выводом исследователя, даже ключевым, равнозначно утверждению, что он «настолько глуп, что не может сделать правильные выводы из своих собственных работ»? Или что следует «работы этих историков и археологов, так называемых “норманнистов”, признать ошибочными и выполненными на несоответствующем уровне» (Губарев 2024: 90)?

Наконец, почему, «если признать, что исследования “норманнистов” выполнены на профессиональном уровне и показывают результаты, на самом деле подтверждающие догадки неоантинорманнистов, то отсюда следует тот самый вывод о коварстве этих историков и археологов, которые скрывают истину, искажают реальность и лгут народу» (Там же)?

Какой логикой нужно руководствоваться, чтобы получить такой вывод? Я уже не говорю о том, каковы основания, чтобы приписывать подобный вывод мне.

В этом же контексте стоит коснуться еще одного тезиса О. Л. Губарева: «Сами неоантинорманнисты археологических и исторических исследований не ведут, а в своих работах вынуждены использовать труды тех, кого они именуют “норманнистами”. И Романчук тут не исключение» (Там же: 89).

По всей видимости, чтобы понять это высказывание О. Л. Губарева, следует предположить, что под «археологическими и историческими исследованиями» он подразумевает здесь именно исследования, нацеленные на первичный сбор и обработку материала (в противном случае это его высказывание представляет собой очередной нонсенс). То есть, другими словами, О. Л. Губарев здесь хочет сказать, что антинорманнисты в архивах над документами не сидят и на раскопках лопатами не машут.

Если это так, то и здесь утверждение О. Л. Губарева не соответствует действительности и игнорирует вроде бы хорошо известные ему факты.

Так, ранее я уже упоминал, например, что переписку короля Юхана и Ивана Грозного по поводу того, «кто такие варяги», ввел в научный оборот именно В. В. Фомин (Романчук 2013а: 290; 2015: гл. 1, прим. 4). Равно как упоминал, что именно В. И. Меркулов ввел в научный оборот такой ценнейший источник, как витраж Добранского монастыря (Он же 2024а: 88, прим. 4; 2015: гл. 1, прим. 4). Наконец, недавно умерший академик П. П. Толочко, автор более 270 научных работ и сторонник южного происхождения и этнонима «русь», и народа русь, и древнерусской государственности (То-

лочко 2016: 10–100), огромную часть своей жизни провел именно в археологических экспедициях как участник и руководитель раскопок.

Можно упомянуть еще много других имен, но, надеюсь, достаточно и сказанного.

Что касается лично меня, то, хотя ни Новгород, ни Псков, ни Старую Ладугу я не копал (так и живу я отнюдь не в Петербурге и даже вовсе не в России), но вообще-то у меня 17 полноценных полевых сезонов (и из них более половины в качестве руководителя раскопок), две сугубо археологические монографии и несколько десятков статей по археологии. Последние же 10 лет, будучи сотрудником Центра этнологии Института культурного наследия (г. Кишинев, Республика Молдова), я провел огромную часть этого времени в полевых исследованиях, собирая этнографический и диалектологический материал. Итогом этой работы стала недавно вышедшая монография (Романчук 2024б).

Так что, надеюсь, по крайней мере, определенное представление об исследовательской работе по первичному сбору материала и его обработке у меня есть.

В отличие, насколько мне известно, от О. Л. Губарева.

Вообще интересно, понимает ли О. Л. Губарев, что своим вышеприведенным высказыванием он вычеркивает из списка «ведущих исторические и археологические исследования» не только себя (что в первую очередь очевидно), но даже, например, Л. С. Клейна и Д. А. Мачинского? Которые, насколько мне помнится, в раскопках археологических памятников, имеющих отношение к варяго-русскому вопросу, тоже замечены не были. Но огромный вклад которых как в археологию вообще, так и в варяго-русскую дискуссию не подлежит никакому сомнению.

Мне, кстати, приходилось слышать от некоторых археологов по поводу Л. С. Клейна, что они, дескать, занимаются археологией, а Клейн – «теорией». На что я отвечал им тогда и хочу повторить здесь (очевидную в принципе вещь): Л. С. Клейн, работая над важнейшими теоретическими вопросами археологии, сделал для развития археологии неизмеримо больше, чем многие из тех, кто провел всю свою жизнь исключительно на раскопках.

Наука без теории, без глубочайшего анализа обширнейших массивов информации (которые по определению не могут быть собраны одним человеком, но лишь трудом сотен, если не тысяч исследователей; так что никто из тех, кто действительно занимается

наукой, не может ограничиться лишь тем, что добыл лично – будь то в архиве или на раскопе) и обязательно за этим следующего синтеза попросту перестает быть наукой и превращается в простое коллекционирование спичечных коробков. Занятие, может, для кого-то и увлекательное, но, с моей точки зрения, совершенно бессмысленное (да и неинтересное).

Пожалуй, на этом анализ глобальных (имеющих отношение к проблеме норманнизма и антинорманнизма в целом) вопросов, заданных О. Л. Губаревым, можно и завершить. Но, помимо «глобальных», О. Л. Губарев в своем комментарии затронул также немало и частных вопросов варяго-русской дискуссии и сделал множество ремарок, которые тоже стоит прокомментировать.

Прежде всего начну здесь с тезиса: «Романчук и в других своих работах постоянно пренебрегает требованием единства времени и пространства и готов обсуждать клятву русов X в. на примере то ирландцев времен короля Конхобара, датируемого примерно временем правления императора Августа (где Русь и где Ирландия?), то клятвы над ружьем русского крестьянина XIX в. (Романчук 2018: 94, 97)» (Губарев 2024).

Серьезно?

Вопору задать тут же встречные вопросы: а где нартский эпос и где «верховные боги индоевропейцев» (Ж. Дюмезиль)? Где потлач и тлинкиты и где *Homo ludens* (Й. Хейзинга)? Где наборы «игральных костей» в погребениях катакомбной культуры и где индийское позднесредневековое прозаическое сочинение «Видхуратандитаджатака» (Клейн 1997: 61)?

Неужели О. Л. Губарев никогда не слышал, что этнографические данные являются не только совершенно «законным» источником в исторических исследованиях, но в тех случаях, когда они имеют непосредственное отношение к исследуемому вопросу, и строго обязательным к использованию?

Именно таковы в данном случае и этнографические восточнославянские (и вообще славянские) данные, и данные ирландских саг, позволяющие реконструировать кельтскую традицию клятв на оружии.

Как можно было вообще делать вывод о скандинавском происхождении клятв русов, не проверив предварительно славянские данные? И не проведя детальное (с учетом всех структурных и семантических нюансов) сопоставление славянской и скандинавской, а также в целом германской традиции клятв на оружии?

А между тем именно так О. Л. Губарев и поступил в своей статье (Губарев 2013) о клятве русов.

Данная статья О. Л. Губарева – пожалуй, единственный из его текстов, который не относится к жанру «обывательского норманизма» (впрочем, возможно, что это заслуга редакторов).

Тем не менее эта статья, по моему мнению (разумеется, сугубо субъективному), – довольно слабая, достаточно тенденциозная и во многих отношениях уж слишком, на мой взгляд, близка по содержанию к более ранней статье А. А. Фетисова на ту же тему (Фетисов 2002).

Причем, что характерно, если А. А. Фетисов и упомянул, и достаточно подробно охарактеризовал как славянские, так и тюркские, и угорские параллели клятве русов (Там же: 44), то у О. Л. Губарева они, напротив, вообще выпали из анализа. В отношении всех иных, помимо скандинавских, аналогий клятве русов на оружии во всем своем тексте О. Л. Губарев ограничился единственной фразой: «Наличие параллелей сюжету в эпосах других народов (нартско-осетинском, чечено-ингушском) привело А. А. Фетисова к выводу о том, что мотив смерти от собственного оружия не является принадлежностью исключительно скандинавского эпоса» (Губарев 2013: 241). Более никаких последствий эта фраза в дальнейшем тексте О. Л. Губарева так и не имела.

Разумеется, я считаю подобный подход и методологически некорректным, и тенденциозным.

Здесь нет никакой возможности углубляться в данный вопрос. Поэтому я ограничусь тем, что приведу резюме своей статьи (ее расширенной версии) о проблеме происхождения клятв русов «оружьем и обручем». Надеюсь, оно позволит читателям составить достаточное представление о моей позиции по этой проблеме.

Итак, в указанной статье «происхождение клятв русов X в. “оружьем и обручем” рассматривается с помощью метода сравнительного анализа германской и славянской традиций. Показано, что у различных славянских народов была клятва оружием. В том числе и у тех (сербов, болгар, словаков, чехов), где ее никак нельзя объяснить скандинавским влиянием. Клятва оружием фиксируется и у кельтов. Сопоставление славянской и германской клятв оружием показывает наличие радикальной разницы между ними в ключевых смысловых и обрядовых нюансах. Клятва русов оружием ближе как раз к славянской традиции.

Клятва на кольцах представлена в славянской традиции при обручении, и анализ лингвистических и этнографических данных позволяет говорить о ее праславянском происхождении. А также предполагать, что она представляет собой реминисценцию существовавшей в дохристианское время у славян клятвы на кольцах и в иных контекстах. Использование кольца при обручении у кельтов и римлян, а также клятва кельтов на *torques* (шейной гривне) позволяет думать, что и клятва на кольцах была характерна для многих индоевропейских народов.

Сопоставление же клятв русов “обручем” и германской традиции клятв на кольцах позволяет заметить наличие важного обрядового отличия между ними: русы клянутся “обручем”, слагая его с себя, тогда как скандинавы (и вообще германцы) клянутся на алтарных кольцах, надевая их специально для клятвенной церемонии. Вероятно, клятва русов “оружьем и обручем” сложилась как раз в результате их длительного взаимодействия со славянами» (Романчук 2018: 93–94).

В этой же статье я достаточно подробно объяснил (Там же: 97, 101, прим. 9; см. также: Романчук 2013а: 289; 2013б: 104; 2014: 348, прим. 2), почему кельтские аналогии мы в данном случае должны рассматривать не только в типологическом отношении.

Остановливаясь на вышесказанном, коснусь также еще одного тезиса О. Л. Губарева – по поводу древнефризских параллелей в договоре Игоря с греками: «В договоре Игоря с греками дважды (в преамбуле и в заключительной части) повторяется древнефризская формула (Губарев 2017), которая встречается и в “Молитве” митрополита Илариона (Молдован 2018), что указывает на прямые контакты скандинавов-русов с фризами» (Губарев 2024).

Речь идет о фразе «Дондеже солнце съесть и весь миръ стоять» этого договора.

Само по себе наблюдение о сходстве формулы «Дондеже солнце съесть и весь миръ стоять» и ее древнефризского аналога любопытно.

Но, во-первых, автором этого наблюдения является отнюдь не О. Л. Губарев, а М. Стейн-Вилькесхёйс, что изначально признавал и сам О. Л. Губарев: «Эта формула договора, как показала Стейн-Вилькесхёйс, имеет наиболее близкое соответствие во фризской юридической практике заключения договоров... Е. Джексон рас-

смаатривает фризские параллели клятве русов более подробно» (Губарев 2017: 16–17).

Считаю необходимым специально обратить на это внимание, поскольку чем далее, тем более О. Л. Губарев представляет древнефризские аналогии формуле «Дондеже солнце съесть и весь миръ стоять» как свое открытие, ссылаясь в контексте данного вопроса на свою статью, и вовсе не упоминая ни М. Стейн-Вилькесхёйс, ни Е. Джексон. И это, к сожалению, не только характеризует ситуацию с формулой «Дондеже солнце съесть и весь миръ стоять», но и вообще отличает манеру обращения О. Л. Губарева с историографией.

Во-вторых, ни упомянутые исследователи, ни сам О. Л. Губарев, увы, и здесь не провели той совершенно необходимой работы, которая позволила бы О. Л. Губареву утверждать, что формула «Дондеже солнце съесть и весь миръ стоять» действительно имеет древнефризское происхождение.

Поскольку как уже сама эта формула, так и то, что она представлена в «Молитве» Иллариона, адресует нас прежде всего к славянским (в том числе восточнославянским) заговорам и заклятиям (которые в славянской народной традиции как раз зачастую именовались именно молитвой).

Как я ранее уже подчеркивал, в науке на сегодня общепринято, что «проклятия и заклятия – представляют собой фактически инвариант клятвы: “клятва – это то же проклятие, но обращенное на субъекта, на говорящего”... и потому – весьма ценный источник информации о собственно клятве» (Романчук 2018: 95).

Совершенно очевидно, что формула «Доколе мир стоит и солнце светит» структурно и семантически идентична заключительным формулам славянских заговоров и заклятий, среди которых в первую очередь выделяются заговоры типа «как не будет веку конца» (Агапкина 2010: 234, 602, 609). Как отмечает здесь же Т. А. Агапкина, «присутствующая в таких формулах временная составляющая... развивается в заговорах в отдельные, вполне самостоятельные заключительные формулы, отчасти восходящие к молитвенным закрепкам типа во веки веков и под.». Причем «многие из итоговых формул явно восходили к каноническим молитвам и богослужебной практике и поддерживались их живым бытованием» (Там же: 234).

Примерами таких формул могут служить «век по век», «отныне и до веку» и подобные³.

В этом же контексте, очевидно, следует учитывать и так называемые «формулы невозможного»: «как реке не течь вспять», «как морю не гореть», «как камню не плавать», «когда небо с землей сойдется» и подобные (Агапкина 2010: 177, 183).

Что касается формулы «как камню не плавать», то весьма любопытно, что она тоже засвидетельствована «Повестью временных лет» и тоже в мирном договоре, но уже князя Владимира с Волжской Булгарией: «Тогда между нами не будет мира, когда камень начнет плавать, а хмель тонуть» (Там же: 177). Причем произносится эта клятва, согласно источнику, именно булгарами. Поскольку аналогичная формула клятвы засвидетельствована и у казанских татар (Давлетшин 2012: 153), то можно полагать, что летопись зафиксировала именно болгарскую (изначально) традицию закрепительной формулы клятвы.

К числу клятвенных «формул невозможности», очевидно, относится и известная фраза в ответе правителя антов Даврита аварским послан: «Пока будут на свете война и мечи».

Все эти факты не позволяют, на мой взгляд, утверждать, что формула «Дондеже солнце съест и весь миръ стоять» древнерусской традиции действительно имеет древнефризское происхождение. По всей видимости, мы имеем дело с традицией, не являющейся ни специфически древнефризской, ни даже специфически германской или славянской⁴.

Однако даже если эта формула и впрямь древнефризская по происхождению, то она никак не свидетельствует ни о том, что ру-

³ Конкретно формула «покуда свет стоит, покуда красно солнышко светит» обнаруживается (в заговоре т. н. «Покрова на род») пока только в распространяемых в Интернете некоторых сборниках заговоров современных шарлатанов – «магических целителей». Я не располагаю сейчас временем, да и не ставлю себе цели установить источник этой формулы в данных сборниках. Однако даже если ее источником стали не действительно народные русские заговоры, а фантазия упомянутых современных шарлатанов, все же нельзя не отметить, что и эта формула, и в целом текст заговора «Покрова на род» – вполне соответствуют характерной восточнославянской модели и цитируемым Т. А. Агапкиной примерам.

⁴ В конце концов, даже известная фраза турецкого коменданта крепости Измаил в ответ на ультиматум А. В. Суворова («Скорее небо упадет на землю, и Дунай потечет вспять») представляет собой не что иное, как инвариант «формулы невозможности», закрепительной формулы клятвы.

сы – это скандинавы, ни о том, что Рюрик пришел из Фризии (еще одна давно пропагандируемая О. Л. Губаревым идея).

В связи с этой идеей О. Л. Губарев пишет, что «слепота невнимания А. А. Романчука заключается в том, что он игнорирует гипотезу о “фризских данах” Рёрика Фрисландского, тождественного, согласно этой гипотезе, Рюрику» (Губарев 2024: 87).

Мне здесь прежде всего непонятно, почему в отношении гипотезы о тождестве Рюрика и Рёрика Фрисландского («в девичестве» – насчитывающая более 100 лет гипотеза Х. Холлмана – Ф. Крузе [Толочко 2016: 75]) я должен обращаться к текстам О. Л. Губарева, а не к работам собственно оригинальных авторов по крайней мере ее современной версии, хотя бы того же А. А. Горского (Там же: 84–85).

Увы, но во всех попытках О. Л. Губарева в связи с этой идеей я пока вижу только пережевывание давно пережеванного (и выплюнутого) историографией, и вдобавок сдобренное изрядной порцией методологически некорректных и совершенно произвольных допущений и предположений, принадлежащих действительно уже самому О. Л. Губареву⁵.

Что, опять-таки, и вправду забавно, так это упоминание моего имени в контексте этих попыток О. Л. Губарева: «Романчук пере-

⁵ Здесь же О. Л. Губарев в очередной раз заявляет об «огромном количестве археологических находок скандинавского происхождения на территории Древней Руси» – и использует этот тезис как аргумент в пользу «скандинавского происхождения русов» (Губарев 2024: 88). То есть снова просто игнорирует все сделанные ранее в историографии (в том числе и мной [Романчук 2013а: 286–287; 2013б: 88–99; 2015; 2020], и в том числе даже в обсуждаемой статье [Романчук 2024а: 91–92]) указания на неверность и такого подхода, и собственно утверждения об «огромном количестве скандинавских находок».

Не повторяя сказанное ранее, приведу здесь лишь также и оценку П. П. Толочко: «В целом, балто-скандинавские вещи составляют только небольшую долю из общего числа археологических находок IX–X вв. на юге Руси. Если обратиться к археологическим комплексам торгово-ремесленных центров Балтийского побережья, то окажется, что в них примерно в таком же соотношении встречаются вещи, происходящие из Руси» (Толочко 2016: 99).

И, его же, по поводу конкретно Искоростеня в связи с гипотезой В. Н. Зоценко о размещении там «варяжского корпуса» (поскольку этот частный случай хорошо иллюстрирует ситуацию в целом): «...никакого “обилия” скандинавских “маркеров” в Искоростене нет. Найдено всего несколько подвесок. Значительно больше здесь вещей, имеющих аналогии в византийских, моравских, венгерских и печенежских древностях. Отчего тогда не предположить, что в Искоростене стоял печенежский корпус? Для этого были бы хоть какие-то основания» (Там же: 207).

ходит к связям Старой Ладogi с Фризией. Надо отдать ему должное, он совершенно справедливо говорит о достаточно тесных связях русов с фризами, упоминая все те археологические артефакты, о которых говорил и я (Губарев 2019: 220–224)» (Губарев 2024: 87).

Юмор ситуации заключается в том, что «о достаточно тесных связях русов с фризами» (на самом деле моя мысль здесь существенно шире) я писал (с тщательным цитированием предшествующей историографии) еще в работах, опубликованных в 2013 г. (Романчук 2013а: 285, 287–288; 2013б: 79–80, 90, 98–101). Там я в том числе указывал на некоторые факты, не учитываемые (или недостаточно учитываемые) в контексте варяго-русской дискуссии. Или же – неверно, на мой взгляд, трактуемые (как присутствие фризских по происхождению вещей в той же Старой Ладoge).

Работы эти были давно и прекрасно О. Л. Губареву известны, он неоднократно пытался их оспорить, и смею предположить, что именно они стали для О. Л. Губарева первоначальным источником сведений о связях древнефризского ареала и Руси.

В последующих работах (Романчук 2015, 2017 и особенно: Он же 2018: 101, прим. 10) я обратил внимание еще на некоторые факты, касающиеся связей Руси и Фризии. И эти работы также прекрасно известны О. Л. Губареву, и по ним он тоже пытался вести «дискуссию».

Из всех этих работ, помимо прочего, достаточно очевидно, почему все попытки О. Л. Губарева использовать данные факты для «доказательства» тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского – попросту методологически некорректны.

Именно потому, что в условиях очевидных тесных и разносторонних контактов между Русью и древнефризским ареалом (эти контакты, как я ранее говорил и подчеркивал, следует рассматривать не изолированно, но в общем контексте Системы Приоритетных Взаимодействий между Юго-Западом Балтики и территорией будущей Руси [подробнее: Он же 2014]), начавшихся явно задолго до Рюрика (чему порукой в том числе находки в Старой Ладoge) и явно продолжавшихся и в IX в. (по крайней мере в его первой половине⁶), следы фризских влияний в древнерусском ареале никак не могут интерпретироваться как результат прихода Рюрика из Фризии.

⁶ Здесь следует заметить, что О. Л. Губарев неверно цитирует в данном контексте и С. Лебека («расцвет фризской торговли приходится на VIII в., а в IX в. их

Наоборот, если уж на то пошло, то приверженцам гипотезы о тождестве Рюрика и Рёрика Фрисландского следовало бы предположить, что это Рюрик появился на Руси именно в силу уже существовавшей задолго до него системы связей между древнерусским и древнефризскими ареалами.

Однако искомое тождество Рюрика и Рёрика Фрисландского в этой ситуации можно доказать, только апеллируя к каким-либо фактам, непосредственно указывающим на собственно Рёрика Фрисландского (личные знаки, печати и т. п.).

И, кстати, в этом вопросе О. Л. Губарев игнорирует и хорошо известный ему (он ссылается даже на личную консультацию) вывод С. Л. Николаева о том, что имя Рюрика никак не может быть выведено из древнедатской формы (которую и представляет имя Рёрика Фрисландского).

Сам С. Л. Николаев считает, что имя Рюрик следует возводить либо к древнегютнийскому диалекту, либо к некоему незасвидетельствованному, гипотетическому «восточнодревнешведскому диалекту».

сменяют скандинавы [Lebecq 1989]» [Губарев 2024: 88]). На самом деле С. Лебек писал существенно иное: «La fin du VIIIe siècle et le début du IXe marquent indiscutablement l'apogée des importations frisonnes et rhénanes en Baltique» (Lebecq 1989: 49). То есть: «Конец VIII и начало IX в. – это, несомненно, пик импорта из Фризии и Рейнской области на Балтику».

Как видим, вывод, уже существенно отличающийся от того, который озвучил О. Л. Губарев.

Чуть далее С. Лебек его еще уточняет: «Au moins constatera-t-on que les Frisons n'en furent pas les seules victimes, même si c'est tout le système de relations marchandes qu'ils avaient mis au point à travers la Baltique qui se trouva perturbé d'abord (second quart du IXe siècle), et annihilé ensuite (après 850)» (Lebecq 1989: 54). То есть, согласно С. Лебеку, система торговых отношений, созданная фризами на Балтике, только во второй четверти IX в. была нарушена, а уж окончательно уничтожена лишь после 850 г.

Здесь я даже не буду обсуждать, насколько последний из выводов С. Лебека (об уничтожении созданной фризами системы торговых отношений на Балтике – безотносительно датировки данного предполагаемого события) верен. Поскольку даже это предполагаемое «уничтожение системы» вряд ли следует интерпретировать как окончательное исчезновение фризов из числа действующих на Балтике лиц. Особенно, имея в виду, что мы должны учитывать здесь не только (и даже не столько) собственно фризов Фрисландии – но и те их группы, которые поселились в Южной Ютландии (в частности, в Хайтабу – который изначально был, как известно, колонией фризов).

Собственно, именно это я ранее уже подчеркивал, и неоднократно (Романчук 2013б: 99–101; 2018: 102, прим. 11).

Мне, однако, оба эти предположения представляются не самыми убедительными (Романчук 2023: 379, прим. 5). И я склонен считать, что истоки имени Рюрик (как и Трувор, и Синеус) следует искать все же в континентально-германской (и, возможно, кельтской) среде (Он же 2017).

Надеюсь, из вышеизложенного уже достаточно ясно, почему я крайне скептически отношусь и к идее тождества Рюрика и Рёрика Фрисландского, и к попыткам О. Л. Губарева добавить «аргументов» в ее пользу.

И, завершая «дискуссию» с О. Л. Губаревым, кратко коснусь еще некоторых его «критических замечаний», которые, похоже, уж вовсе были сделаны, исходя из двух базовых принципов: «главное – побольше замечаний» и «авось никто проверять не будет».

В первую очередь того, что «Романчук... не поясняет, как племя балтийских славян – вагров могло получить свое наименование от германского этнонима» (Губарев 2024: 87).

Утверждение крайне странное, поскольку даже в обсуждаемой статье написано, «как этноним “væringi” возник в германской среде на Юго-Западе Балтики, и очень рано, еще в дославянское время» (Романчук 2024а: 89). И ранее, начиная с (Он же 2013а: 289; 2013б: 101–102), я неоднократно подчеркивал хорошо известный в науке и очевидный факт: «У балтийских славян имелся германский субстрат» (Он же 2018: 102, прим. 11). То есть этноним “væringi” для балтийских славян именно субстратный, и славянское племя получило его в процессе взаимодействия с субстратным для него германским населением Юго-Запада Балтики.

В контексте вопроса о варягах же О. Л. Губарев пишет: «В качестве доказательства идентичности термина “варяги” IX в. и “немцы” А. А. Романчук ссылается на какие-то анналы (без конкретного указания, что имеется в виду) и на письмо Ивана Грозного королю Швеции Юхану (XVI в.)» (Губарев 2024: 86).

Здесь, во-первых, существенно неточно излагается моя позиция, поскольку речь идет не о тождестве варягов IX в. (как пишет О. Л. Губарев) и немцев. А о том, что с течением времени происходило расширение значения этнонима «варяг» (с определенного времени ставшего использоваться и для обозначения скандинавов), и к XII в. он стал обозначать западноевропейцев вообще, и в это же время начинает отмечаться его параллелизм термину «немцы».

Во-вторых, и здесь же, в статье (Романчук 2024а: 86), и еще подробнее ранее (начиная с: Он же 2013а: 290) мною были даны от-

ссылки к работам тех исследователей, которые, собственно, и аргументировали и многозначность этнонима «варяг», и постепенное расширение его значения – в первую очередь А. Г. Кузьмина и В. В. Фомина, где в том числе содержится и отсылка к интересующим О. Л. Губарева источникам, рисующим нам эволюцию этнонима «варяги».

В-третьих, помимо А. Г. Кузьмина и В. В. Фомина, О. Л. Губарев мог бы обратить внимание на цитируемые мною в обсуждаемой же статье (Романчук 2024а: 86) ссылки на исследователей, которые никак не относятся к числу антинорманистов, но которые также отмечают и расширение значения этнонима «варяг», и его параллелизм (с определенного момента времени) термину «немцы». Я имею в виду работы (Кучкин 1966) и (Циммерлинг 2021).

Причем, более того, А. В. Циммерлинг мною там же – даже весьма недвусмысленно – цитируется: «А. В. Циммерлинг трактует соотношение этих терминов в грамоте ГВНП № 28 иначе: “...здесь термин «варяг» используется более расширительно в зн. «иностранец на Руси»...” (Там же: 250)» (Романчук 2024а: 86, прим. 2).

Каким образом О. Л. Губарев умудрился всего этого «не заметить», я, право, затрудняюсь объяснить⁷.

⁷ О. Л. Губарев не только всего этого «не заметил» – он умудрился одновременно заявить, что «не упоминает Романчук и двойственность варягов у В. В. Фомина, который вынужден в связи с огромным количеством археологических находок и невозможностью отрицать очевидное признавать, что варяги с X в. были скандинавы, а вот до того – балтийские славяне (Фомин 2005: 336–421). Но никак не объясняется перенос имени с балтийских славян на скандинавов» (Губарев 2024: 89).

Читал ли вообще О. Л. Губарев работу В. В. Фомина? А мои работы?

Потому что тут имеет место прямо-таки катастрофическое искажение позиции В. В. Фомина и А. Г. Кузьмина (равно как и моей), и просто какая-то «параллелизация сознания» – поскольку одновременно О. Л. Губарев критикует тезис А. Г. Кузьмина и В. В. Фомина (и мой) о расширении значения этнонима «варяг» (с его постепенным распространением и на скандинавов, и, далее, на западноевропейцев вообще), и, тем не менее, тут же утверждает, что «не упоминает Романчук и двойственность варягов у В. В. Фомина» (Там же).

Аналогичный нонсенс составляет еще одно «замечание» такого рода со стороны О. Л. Губарева: «Кроме того, ни сам А. А. Романчук, ни В. В. Фомин так и не рассмотрели критику этой фантастической балтийско-славянской гипотезы со стороны И. Первольфа, хотя необходимость такого опровержения ее положений Романчук отмечал еще в 2013 г. (Романчук 2013б: 85)» (Там же: 88–89).

Аналогично странным представляется другое замечание О. Л. Губарева: «Далее без доказательств Романчук заявляет, что не может согласиться с тем, что этноним “русь” означал скандинавов» (Губарев 2024: 87). Не говоря о том, что непосредственно там же содержатся ссылки на мои работы, в которых я как раз объясняю причины своего несогласия: «...этноним “русь” (по мысли норманистов – прилагательный к скандинавам же, с чем, увы, согласиться не могу), напротив, возникает еще как минимум в VIII в. (Романчук 2013а: 292; 2013б: 108; Николаев 2017: 31, прим. 88; Романчук 2022: 337; Romanchuk 2023)» [Романчук 2024а: 86]], но ведь и сами работы эти, по идее, О. Л. Губареву уже и так давно и хорошо известны. По крайней мере, он неоднократно пытался с ними «дискутировать».

И странно, почему вдруг «забыл».

Впрочем, не буду прибегать к психоанализу. Равно как не буду и комментировать здесь слова О. Л. Губарева: «...игнорирует четкое указание летописца, ставящего русов в один ряд с другими скандинавскими народами» (Губарев 2024: 87). Насчет этого «четкого указания летописца» в историографии столько копий сломано (см., в частности: Толочко 2016: 13), что это даже не забавно.

Лучше в завершение темы О. Л. Губарева остановлюсь на его замечании, которое автор почему-то объявил «самым главным»: «И, наконец, самое главное. В своей статье Романчук обходит молчанием вторую альтернативную гипотезу Е. С. Галкиной о происхождении русов от рокс/рухс-алан, взаимоисключающую по отношению к гипотезе русов как балтийских славян (Галкина 2002). А ведь из двух взаимоисключающих гипотез неоантинорманистов верной может быть только одна, или обе могут быть неверны. Но чтобы избежать спора и разделения ничтожной кучки историков-неоантинорманистов еще и между собой, Е. С. Галкина смеши-

На самом деле я в процитированной статье (Романчук 2013б: 82) говорю не только о возражениях И. Первольфа, но и о возражениях многих других критиков идеи происхождения новгородцев от балтийских славян (в частности: О. Н. Трубачева, В. Б. Крысько, Х. Шустер-Шевца, С. Л. Санкиной). А затем, на протяжении почти десяти страниц – я именно и отвечаю на эту критику.

В следующем же году вышла моя новая статья, которая и вовсе имела весьма выразительное название: «Спор о древненовгородском диалекте в контексте варяго-русской дискуссии» (Романчук 2014). И целиком была посвящена именно указанной проблеме.

Каким образом О. Л. Губарев всего этого «не заметил»?

вает своих алан с балтийскими славянами, тем самым объединяя две взаимоисключающие гипотезы в одну (Галкина 2002: 358–365). Хочется спросить: где же здесь наука?» (Губарев 2024: 89).

И что?

Вообще-то я, например, ранее игнорировал и «гипотезы» О. Л. Губарева. Значит ли это, что моим мотивом было стремление «избежать спора и разделения» норманистов, позиции которых на самом деле также достаточно далеки от единства по множеству вопросов?

И почему гипотеза Е. С. Галкиной должна быть для меня столь важна? Она, что, как-то опровергает какой-либо из моих выводов?

Или, не дай бог, она вообще для предлагаемых мною гипотез в варяго-русском вопросе представляет настолько непреодолимое препятствие, даже более впечатляющее, просто несопоставимое, чем любая норманистская работа, что, не возразив Е. С. Галкиной, я попросту даже не могу далее настаивать на своих выводах?

Насколько я вижу, это далеко не так.

На самом деле книга Е. С. Галкиной – это достаточно слабая в профессиональном отношении компилятивная попытка еще раз представить «причерноморскую» гипотезу (точнее, одну из ее версий) происхождения этнонима «русь», народа русь и Древнерусского государства. Автором которой является вовсе не Е. С. Галкина, а в первую очередь О. Н. Трубочев и Д. Т. Березовец. И если уж с «причерноморской» гипотезой спорить, то лучше опять-таки обращаться к оригиналу.

Пока я такой необходимости не вижу.

Думаю, на этом можно остановиться и подвести некоторые итоги. Итак, из вышеизложенного, думаю, вполне ясны те причины, которые ранее побуждали меня просто воздерживаться от ответа О. Л. Губареву.

Первой из этих причин является именно постоянное и крайнее стремление О. Л. Губарева перевести обсуждение любого сугубо научного вопроса в «борьбу с антинорманизмом». Мне же такого рода «дискуссии» попросту неинтересны. И ранее (Романчук 2015: гл. 1, прим. 5) я очень даже не случайно в этом контексте вспоминал известную фразу С. Д. Довлатова: «Советский... Антисоветский... Какая разница?!» Она более чем хорошо характеризует как «обывательский норманизм», так и «обывательский антинорманизм».

Должен также заметить, что стремление перевести научную дискуссию в «борьбу с -измом» фактически приводит в конечном итоге к разрушению науки как таковой. И когда О. Л. Губарев с гордостью ставит себе в заслугу, что в том числе благодаря его деятельности «принадлежать к антинорманнизму как маргинальному явлению в исторической науке стало неудобно» (Губарев 2024) – гордиться тут, на мой взгляд, нечем.

Как я уже отмечал ранее (Романчук 2013б: 114), цитируя по этому поводу А. В. Назаренко, абсолютно ненормально то, что даже обсуждение многих важных вопросов в варяжско-русской дискуссии требует сегодня изрядной смелости.

Что касается второй причины моего длительного игнорирования «дискуссии» с О. Л. Губаревым, то она в конечном итоге сводится к тому, что во всех своих текстах О. Л. Губарев чрезвычайно вторичен (если не третичен). Думаю, для всех очевидно, что при обсуждении любого вопроса совершенно необходимо обращаться именно к оригинальному источнику той или иной точки зрения.

Остановившись на этом, обращусь еще к одному вопросу – отношения к О. Л. Губареву не имеющему, но который целесообразно было бы также здесь рассмотреть.

Я имею в виду очень интересные и важные статьи А. С. Щавелева и М. В. Елиферовой, в которых были высказаны критические замечания в адрес гипотезы «русско-варяжского диалекта» С. Л. Николаева (2017).

Ранее я назвал это открытие С. Л. Николаева эпохальным (Romanchuk 2023: 100; Романчук 2024а: 89) и с удовольствием повторю это здесь еще раз. На мой взгляд, ни возражения А. С. Щавелева, ни возражения М. В. Елиферовой выводы С. Л. Николаева о существовании «русско-варяжского» диалекта подорвать не могут. А работа М. В. Елиферовой гипотезу С. Л. Николаева даже укрепляет.

Начну с возражений А. С. Щавелева – как более кратких. Для удобства же обсуждения приведу их сразу целиком, благо они помещаются практически в один абзац.

Итак, А. С. Щавелев пишет: «Thus, A. A. Romanchuk considers “epoch-making” (2023: 100) the article by S. L. Nikolaev, who reconstructed a certain archaic “Varangian dialect” of Old Norse on the basis of the list of ambassadors and their confidants in the treaties of Rus’ princes with Byzantine emperors. I shall briefly summarize my doubts, which, as it seems to me, ultimately demands not to use this hypothesis

as a basis for ethnocultural reconstructions but to wait for its evaluation by specialists.

Firstly, the hypothesis of “Varangian dialect” does not pass the experimental test. The studied onomasticon of these treaties E. A. Melnikova... A. Zimmerling... (whom A. A. Romanchuk in his article with full right attests as “one of the greatest Russian Germanists of our time”: 2023: 98), and B. Struminsky... didn’t reveal any special dialect different from the standard Old Norse. Secondly, the linguistic reconstruction of onomastic units should be preceded by a textual reconstruction of the chronicle text in which they have reached us. In this case, it is necessary to compare the six main witnesses of the “Primary Chronicle”... according to a certain procedure, the original text of which is determined by the coincidence of independent readings... And in this case, it was not made by S. N. Nikolaev. Thirdly, the evolution of the text of the treaties of the Rus’ princes with the Byzantines is now quite clear: their originals were drawn up in Greek; no Church Slavonic version existed; then they were copied into a Byzantine copy-book (i.e., some sort of “cartularium”, Greek: “τὸ κοινάκιον”); at the beginning of the 12th century, they were translated into Old Church Slavonic and then copied into the original “Primary Chronicle” which was then edited and “dispersed” in different copies. Besides, we quite understand that during the procedure of the ratification of the treaties, the list of names of Rus’ elitists and their ambassadors should have been pronounced by someone from the side of Rus’, then transferred by Byzantium translators to scribes-compilers of treaties. I consider incredible to expect that after all these procedures the onomastics of treaties will be kept well and will be read any regular linguistic signs of any special dialects. Finally, I emphasize that S. N. Nikolaev’s previous attempt to reconstruct an allegedly ancient “dialect of Krivichi” was convincingly denied» (Shchhavelev 2025).

То есть: «Так, А. А. Романчук считает “эпохальной” (2023: 100) статью С. Л. Николаева, реконструировавшего некий архаичный “варяжский диалект” древнескандинавского языка на основе списка послов и их приближенных в договорах русских князей с византийскими императорами. Кратко изложу свои сомнения, которые, как мне кажется, в конечном итоге требуют не брать эту гипотезу за основу этнокультурных реконструкций, а дожидаться ее оценки специалистами. Во-первых, гипотеза “варяжского диалекта” не про-

шла экспериментальную проверку. Изученный ономастикон этих трактатов Е. А. Мельниковой..., А. Циммерлингом... (которого А. А. Романчук в своей статье с полным правом называет “одним из крупнейших русских германистов современности”: 2023: 98) и Б. Струминским... не выявили в нем какого-либо особого диалекта, отличного от литературного древнескандинавского. Во-вторых, лингвистической реконструкции ономастических единиц должна предшествовать текстовая реконструкция летописного текста, в котором они дошли до нас. В этом случае необходимо сопоставить шесть основных списков “Повести временных лет”... по определенной процедуре, исходный текст которой определяется совпадением независимых прочтений... А в данном случае это не было сделано С. Л. Николаевым. В-третьих, эволюция текста договоров русских князей с византийцами теперь вполне ясна: их оригиналы составлялись на греческом языке; церковнославянской версии не существовало; затем они были переписаны в византийский сборник договоров (то есть своего рода “картулярий”, греч. τὸ κοιντάκιον); в начале XII в. они были переведены на старославянский язык и затем переписаны в оригинал “Повести временных лет”, которая затем была отредактирована и “разошлась” по разным спискам. Кроме того, мы вполне понимаем, что во время процедуры ратификации договоров список имен русских знатных особ и их послов должен был быть произнесен кем-то со стороны Руси, затем передан византийскими переводчиками писцам-составителям договоров. Я считаю невероятным ожидать, что после всех этих процедур ономастика договоров будет хорошо сохранена и будут выявлены какие-либо регулярные языковые признаки каких-либо диалектов. Наконец, я подчеркну, что предыдущая попытка С. Н. Николаева реконструировать якобы древний “диалект кривичей” была убедительно опровергнута...».

Здесь, прежде всего, не могу согласиться с тем, что гипотеза С. Л. Николаева «не прошла экспериментальную проверку». Поскольку впервые она была опубликована 14 лет назад, тут же стала широко известна всем заинтересованным лицам и все эти годы не выпадала из фокуса их внимания.

Можно ли представить, чтобы в течение столь длительного времени (и при том, что, в отличие от даже сравнительно недавнего прошлого, сегодня благодаря Интернету свою реакцию можно

озвучить практически моментально, в режиме реального времени) кто-либо из этих заинтересованных лиц мог, но не стал оспаривать позицию оппонента в вопросе, который имеет для него фундаментальнейшее и принципиальнейшее значение?

Лично я таких примеров в истории науки припомнить не могу, и думаю, что А. С. Щавелев – тоже.

Собственно, и статья М. Е. Елиферовой представляет собой наглядное подтверждение вышесказанному: как только М. В. Елиферова решила, что у нее имеются веские возражения против работы С. Л. Николаева, она их тут же озвучила.

Поэтому то, что предшественники С. Л. Николаева (Е. А. Мельникова, А. В. Циммерлинг, Б. Струминский) не увидели русско-варяжского диалекта, здесь никак не может служить контраргументом. И даже наоборот, то, что они (за исключением умершего в 1998 г. Б. Струминского) уже 14 лет, пребывая, слава богу, в добром здравии и будучи прекрасно осведомлены о работе С. Л. Николаева, так и не собрались ему возразить, свидетельствует как раз в пользу гипотезы последнего.

Далее, никак не могу согласиться и с тем, что С. Л. Николаев пренебрег этапом текстологической работы и проверки написания имен послов в различных списках летописи. Такая работа как раз была им проделана (Николаев 2017: 9–16).

Далее о том, что тексты договоров были изначально на греческом языке и лишь позже переведены на старославянский.

Во-первых, существенная часть рассмотренного С. Л. Николаевым русско-варяжского ономастикона, и притом как раз важнейшие имена (Олег, Ольга, Игорь, Рюрик, Трувор, Синеус, Свенельд, Рогволод, Рогнеда, Глеб), происходит отнюдь не из текстов договоров с греками, а из основного текста «Повести временных лет».

Во-вторых, предположение, что договоры были изначально именно в греческом оригинале – как кажется, все же не столь очевидно и даже, наоборот, более чем не очевидно (Елиферова 2020: 57–65). Ниже при рассмотрении критики М. В. Елиферовой я на этом остановлюсь подробнее.

В-третьих и в-главных – мы должны исходить из того безусловного и очевидного факта, что С. Л. Николаеву именно и удалось показать и доказать существование регулярных фонетических закономерностей, характеризующих русско-варяжский диалект и се-

рьезно отличающих его от любого из известных скандинавских диалектов соответствующей эпохи.

Грубо говоря, он проанализировал некий массив информации и показал наличие в нем системы, устойчивых закономерностей и упорядоченности. И это должно, безусловно, быть отправной точкой всех наших дальнейших рассуждений и возможной критики гипотезы С. Л. Николаева. Единственной реальной возможностью опровергнуть гипотезу С. Л. Николаева может быть лишь попытка оспорить существование выявленной им в данном массиве информации системы закономерностей. А этого-то до сих пор как раз никем так и не было сделано.

Каким же образом данная система, данная упорядоченность в «Повести временных лет» сохранилась и дошла до нас – вопрос на самом деле уже второй и менее важный.

Наконец, завершая анализ возражений А. С. Щавелева, мне представляется удивительной его апелляция в этом вопросе к тому, что «предыдущая попытка С. Н. Николаева реконструировать якобы древний “диалект кривичей” была убедительно опровергнута».

Во-первых, даже если бы это было так, каким образом это могло бы оспорить совершенно иную гипотезу С. Л. Николаева, относящуюся к абсолютно другой проблеме? С таким же успехом я мог бы здесь апеллировать для аргументации этой гипотезы к иным гипотезам С. Л. Николаева, получившим общее признание в науке.

Во-вторых, никак не могу согласиться и с тезисом о том, что гипотеза С. Л. Николаева о существовании «кривичского диалекта» была опровергнута В. Б. Крысько.

Ранее я касался этого спора (Романчук 2013б: 82–88; 2014), и, на мой взгляд, несмотря на то что многие замечания В. Б. Крысько вполне справедливы (но, однако, никак не могут «разрушить» главные выводы С. Л. Николаева), прав в этой дискуссии по большому счету как раз С. Л. Николаев.

Порукой тому и то, что в монографии А. А. Зализняка о древненовгородском диалекте, при учете критики В. Б. Крысько, тем не менее все ключевые из ранее полученных выводов С. Л. Николаева и А. А. Зализняка остаются в силе (Зализняк 2004: 7, 56).

Переходя далее к замечаниям М. В. Елиферовой, начну тоже с самого важного: оспорила ли она главное в гипотезе С. Л. Николаева, то есть существование фонетических закономерностей, ха-

рактизирующих русско-варяжский диалект, и факт их отличия от любого скандинавского диалекта соответствующей эпохи?

Нет, никоим образом.

Все замечания М. В. Елиферовой касаются второстепенных для гипотезы русско-варяжского диалекта вопросов и гипотезу С. Л. Николаева поколебать не могут.

И даже более того – как я уже отметил выше, результаты М. В. Елиферовой фактически эту гипотезу даже дополнительно подтверждают и позволяют лучше объяснить некоторые моменты.

Во-первых и в-главных, М. В. Елиферова очень последовательно и убедительно подтвердила тот совершенно недооцениваемый историографией факт, который и послужил С. Л. Николаеву отправной точкой в его гипотезе. Именно то, что русско-варяжские имена передаются в «Повести временных лет» с точным отражением исходной германской фонетики.

Позволю себе здесь ради пущей точности обширную цитату.

Итак, М. В. Елиферова пишет: «В свою очередь, германисты, обращавшиеся к данной теме, опускают проблему греческого посредства, рассуждая так, как если бы имена послов передавались непосредственно со скандинавского на славянский... 20 лет назад Е. А. Мельникова на основании особенностей орфографии пришла именно к такому выводу: "...древнерусские формы скандинавских имен не несут ни малейших следов, указывающих на то, что в древнерусский текст они попали через греческое посредство"... Ф. Б. Успенский также полагает, что "скандинавские имена попали в текст договоров, минуя греческое посредство"... Как мы покажем ниже, наблюдения, сделанные германистами над орфографией скандинавских имен в договорах, справедливы: многие формы написания имен необъяснимы, если предполагать транслитерацию с греческого на кириллицу. Однако это порождает вопрос, как вообще греческое посредство можно было "миновать" и откуда славянский переводчик взял германские формы имен. На этот вопрос ответить мало кто пытался» (Елиферова 2020: 60).

Во-вторых, оспорив предложенное С. Л. Николаевым объяснение того, как русско-варяжские имена послов были сохранены в «Повести временных лет» в фонетически точной форме, М. В. Елиферова тут же предложила новое и даже более убедительное объяснение: «Большинство этих проблем разрешимы, если предположить, что имена послов в экземплярах договоров 911 и 945 гг., до-

ступных славянскому переводчику, были записаны латиницей» (Елиферова 2020: 65).

На самом деле, на мой взгляд, еще более убедительным и непротиворечивым объяснением будет то, что и сами договоры, и имена послов были изначально, уже в момент заключения договоров, записаны не только на греческом, но и на славянском (старославянском или же древнерусском – вопрос уже отдельный), и именно кириллицей. И хранились эти договоры именно на Руси.

Да, у нас нет прямых свидетельств существования письменности на Руси до принятия христианства. Но и очевидные следы интенсивных взаимодействий с Византией уже с самого начала X в. (выразившиеся в том числе и в достаточно широком распространении христианства в Киеве уже к эпохе Ольги), и масштабная хозяйственно-административная деятельность той же Ольги на государственном уровне (что, как очевидно, создавало мощный запрос на использование письменности), и археологически очевидное (в том числе по результатам анализа ювелирных украшений [см. работы С. С. Рябцевой, прежде всего: Reabtseva 2014; Рябцева 2018]) значительное влияние со стороны Великой Моравии на земли Киевской Руси, и разгром Великой Моравии венграми как раз в самом начале X в. (что, очевидно, привело к появлению огромного множества беглецов – в том числе, судя по археологическим данным, и на Русь) – все это делает вполне приемлемым, полагаю, предположение о том, что использование кириллицы в Киевской Руси, пусть и далеко не в «промышленных масштабах», началось еще задолго до принятия христианства.

Возвращаясь к возражениям М. В. Елиферовой, перейдем к ее частным (по отношению к гипотезе С. Л. Николаева) выводам.

Среди них в первую очередь важна предложенная ею древнеанглийская линия этимологии ряда имен послов, и прежде всего Актеву.

Прочитую: «Лишь в 2017 г. вышла работа С. Л. Николаева, который попытался сопоставить это имя с именем Эгтеов из “Беовульфа” (Николаев 2017: 26). К сожалению, недостаточно зная древнеанглийский материал и находясь в плену своей идеи “особого русско-варяжского диалекта”, якобы отделившегося от известных северогерманских языков “не позднее VIII в.” (Там же: 15, прим. 23; см. также с. 31), Николаев двинулся в ошибочном направлении – что привело его к недоуменным рассуждениям, откуда на русской почве взялось Ак- вместо ожидаемого Ег-. Между

тем при обращении к древнеанглийскому языку загадочное Актеву приобретает вполне опознаваемый вид – *Āsfrēow*» (Елиферова 2020: 52).

Здесь, помимо неприемлемых, на мой взгляд, в научной дискуссии оборотов и высказываний в адрес С. Л. Николаева (к сожалению, они в данной работе М. В. Елиферовой не единичны⁸ и адресованы не только С. Л. Николаеву, но и некоторым другим из числа тех исследователей, с которыми она дискутирует, что очень портит впечатление от этой в целом, еще раз повторю, прекрасной работы), М. В. Елиферова неточно передает позицию С. Л. Николаева. Последний как раз рассматривал имя Актеву в числе тех, которые отклоняются от фонетики реконструируемого им русско-варяжского диалекта и, соответственно, требуют объяснения.

⁸ Например, М. В. Елиферова пишет: «Приведем характерный пример: “В «русско-варяжском» диалекте не было палатализации зубных согласных, о чем свидетельствует передача [i] после них кириллическим ы: Бруны, Буды, Гуды, Карлы, Кары, Моны, Слуды, Туры” (Николаев 2017. С. 27). Это рассуждение показывает недостаточное знакомство автора как с древнескандинавским, так и с древнерусским консонантизмом, к тому же игнорирует очевидное морфологическое объяснение – аналогию со славянскими словами камы, ремы, любви и т. п.» (Елиферова 2020: 64, прим. 10).

Здесь, во-первых, если М. В. Елиферова не согласна с этим выводом С. Л. Николаева, то ей следовало бы внятно сформулировать, что именно ее к этому несогласию побуждает – а не рассуждать о «недостаточном знакомстве автора». На мой взгляд, это единственно приемлемый в научной дискуссии вариант представления и обоснования предлагаемой критики.

Во-вторых, ей необходимо обосновать, почему мы в данном случае должны предпочесть именно морфологическое объяснение – и это обоснование не может быть оторвано от попытки предложить в целом альтернативное гипотезе С. Л. Николаева объяснение.

Напомню, что А. А. Зализняк по сходному поводу писал следующее: «Во всех таких случаях он использует один и тот же прием: берет один за другим примеры обсуждаемого фонетического явления и для каждого предлагает какой-нибудь сугубо индивидуальный нерегулярный путь, которым мог бы быть достигнут наблюдаемый результат... Этот метод, состоящий в замене единого объяснения для всей рассматриваемой категории примеров дюжиной разных объяснений *ad hoc*, дает необычайно широкие возможности: с его помощью вполне можно “отменить” даже и самые хрестоматийные фонетические явления, нужно лишь иметь достаточно сильное желание» (Зализняк 2004: 49, прим. 8).

Наконец, в-третьих, если уж С. Л. Николаев «недостаточно знаком с древнерусским консонантизмом», то кто тогда с ним действительно знаком?

Неужели М. В. Елиферова?

То, что М. В. Елиферова такое объяснение предложила, гипотезу С. Л. Николаева не только не ослабляет, но и дополнительно подкрепляет.

Равно как и обращаемое ею внимание на имя Инегелд, по поводу которого она пишет следующее: «Имя Инегелдъ, традиционно интерпретируемое как древнесеверное Ingjald, может быть англосаксонской формой того же имени – Ingeld, Inegild... Совершенно нет оснований усматривать в ней, как это делает С. Л. Николаев, следы неизвестного “русско-варяжского” диалекта (Николаев 2017: 30) – форма In(e)geld, если это не обычное фонетическое упрощение на русской почве (наподобие Астафий < Евстафий), надежно объясняется из древнеанглийского. ...Северогерманское имя Ingjald вторично по отношению к англосаксонскому In(e)geld. <...> В Скандинавии эпохи викингов оно встречается редко (из-за ассоциации с отрицательным персонажем, поскольку легендарный Ингельд-Ингьяльд был злодеем) и не входит в ономастикон королевских династий» (Елиферова 2020: 55).

Здесь, во-первых, следует заметить, что оснований «усматривать следы русско-варяжского диалекта» в имени Инегелд не было, если бы М. В. Елиферова опровергла существование этого диалекта в целом – чего она, как уже было сказано, не сделала. Во-вторых, вне зависимости от того, действительно ли Инегелд представляет собой тоже древнеанглийское влияние, весьма примечательно здесь то, что «вторичное по отношению к англосаксонскому In(e)geld» северогерманское Ingjald в Скандинавии – как раз редко.

Не менее примечательны высказанные ею соображения по поводу имен Шихьберн и Шибьрид: «Мы признаем, что на данном этапе не можем разрешить проблему написаний имен Шигобернь / Шихьбернь и Шибьридъ через ш. <...> Имя Шибьридъ (в других списках без ь в середине; иногда в явно ошибочной форме Шибринь) само по себе представляет загадку. Оно безусловно не скандинавское, а западногерманское» (Там же: 65).

Завершая анализ замечаний М. В. Елиферовой, остановлюсь на предлагаемом ею объяснении появления в договорах имен послов, имеющих древнеанглийские параллели. В качестве такого объяснения она выдвигает «предположение, что в свите Олега и Игоря присутствовали англосаксы из Денло» (Там же: 68).

Однако почему же обязательно из Денло?

Такое предположение исходит сразу из двух аксиоматичных (но отнюдь не являющихся аксиомами) презумпций – что мы должны видеть в руси скандинавов и что носители древнеанглийских имен могли попасть на Русь только из Денло и только со скандинавами.

Между тем в свете отмеченных ранее (Романчук 2015: гл. 3) оснований (прежде всего речь здесь идет о наблюдениях А. Пауля) предполагать «сохранение остатков племени англов в раннем Средневековье в юго-западной части области Ангельн вокруг Хайтабу и внутреннего залива Шлей» резонно, думаю, искать источник появления этих имен в русско-варяжском ономастиконе поближе, чем в Денло, – и именно в указанном регионе на Юго-Западе Балтики (см. в этой связи также: Романчук 2013а: 289).

Таким образом, завершая рассмотрение возражений М. В. Елиферовой, надеюсь, что из вышесказанного вполне очевидна справедливость сделанного мною в начале утверждения – предлагаемая М. В. Елиферовой (как и А. С. Щавелевым) критика гипотезы С. Л. Николаева о существовании русско-варяжского диалекта не только эту гипотезу не подрывает, но даже, наоборот, ее существенно подкрепляет.

На этом я хотел бы поставить точку и в данном тексте в целом. Надеюсь, представленные мною здесь объяснения и ответы вполне пояснят читателям мою позицию.

Литература

Агапкина, Т. А. 2010. *Восточнославянские лечебные заговоры в сравнительном освещении: сюжетики и образ мира*. М.: Индрик.

Галкина, Е. С. 2002. *Тайны Русского каганата*. М.: Вече.

Губарев, О. Л.

2013. О клятвах русов и славян. *Stratum plus* 5: 239–245.

2017. «Дондеже солнце съяет и весь мирь стоять» (магическая формула в договоре Руси с греками 945 г.). *Valla* 3(3): 16–22.

2019. *Рюрик Скьельдунг*. СПб.: Евразия.

2020. К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика. *Novogardia* 2: 4–36.

2024. Слепота невнимания неоантинорманизма. *История и современность* 4: 78–93.

Давлетшин, Г. М. 2012. Клятва, договор, шертование в межгосударственных отношениях у тюрко-татар. *Вестник экономики, права и социологии* 4: 153–155.

Елиферова, М. В. 2020. Англосаксонский след в договорах Руси с Византией. В: Рашковский, Б. Е. (отв. ред.), *Древнейшие государства восточной Европы. 2019–2020 годы. Дипломатические практики Античности и Средневековья*. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского. С. 51–72.

Жих, М. И. 2020. О недопустимости дилетантизма в исторической работе. Реплика по поводу статьи: Губарев О. Л. К дискуссии о племенных союзах и политогенезе восточных славян до Рюрика. *Исторический формат* 4: 115–134.

Зализняк, А. А. 2004. *Древненовгородский диалект*. М.: Языки славянской культуры.

Клейн, Л. С.

1991. *Археологическая типология*. Ленинград: ЛФ ЦЭНДИСИ.

1997. Происхождение нуля, или Древнейшая эволюция игры в кости между Дунаем и Индом. В: Ткачук, М. Е., Манзура, И. В., Мосионжик, Л. А. (ред.), *Стратум: структуры и катастрофы (Сборник символической индоевропейской истории)*. СПб.: Нестор. С. 47–66.

Кучкин, В. А. 1966. О древнейших смоленских грамотах. *История СССР* 2: 103–115.

Минасян, Р. С. 2012. Попытка трезво оценить уровень раннеславянского металлообрабатывающего производства. В: Горюнова, В. М. (науч. ред.), *Славяне Восточной Европы накануне образования Древнерусского государства: Материалы международной конференции, посвященной 110-летию со дня рождения Ивана Ивановича Ляпушкина (1902–1968)*. Санкт-Петербург, 3–5 декабря 2012 г. СПб.: СОЛО. С. 281–284.

Молдован, А. М. 2018. Молитва в структуре Синодального списка сочинений Илариона. *Словъне. Международный славистический журнал* 7(1): 8–26.

Николаев, С. Л. 2017. К этимологии и сравнительно-исторической фонетике имен северогерманского (скандинавского) происхождения в «Повести временных лет». *Вопросы ономастики* 14(2): 7–54.

Романчук, А. А.

2013а. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны. *Stratum plus* 5: 283–299.

2013б. Варяго-русский вопрос в современной дискуссии: взгляд со стороны (полная версия). *Вестник КИГИТ* 36(6): 73–131.

2014. Спор о древненовгородском диалекте в контексте варяго-русской дискуссии. *Stratum plus* 5: 345–355.

2015. Норманизм vs анти-норманизм: как дойти до продуктивной дискуссии? *Генофонд.рф* 12 октября. URL: http://генофонд.рф/?page_id=4842.

2017. Варяжский антропонимикон ПВЛ (до середины X века) и антропонимикон скандинавских рунических надписей: сравнительный анализ. В: Вишняцкий, Л. Б. (отв. ред.), *Ex Ungue Leonem: сб. статей к 90-летию Льва Самуиловича Клейна*. СПб.: Нестор-История. С. 245–255.

2018. Происхождение клятв русов «оружьем и обручем»: славянские, германские и кельтские параллели. *Revista Arheologică XIV(1)*: 93–107.

2022. Этноним русь и восточногерманское *gauþs «красный»: еще раз к обоснованию гипотезы. *Stratum plus 5*: 335–343.

2023. «Русь Стемида и Лидулфа» и гипотеза о восточногерманском происхождении этнонима русь. *Stratum plus 5*: 375–381.

2024а. «Слепые пятна» норманистских гипотез в проблеме возникновения Древнерусского государства. *История и современность 1*: 82–99.

2024б. *Булаештские украинцы в контексте славяно-восточно-романских взаимодействий Карпато-Днестровского региона*. Кишинэу: Stratum plus.

Рябцева, С. С. 2018. О Великоморавском и Подунайском влиянии на формирование древнерусского ювелирного убора X – начала XI в. = [On the Great Moravian and Danube influence on the formation of the Old Rus' jewelry dress of the 10th – the beginning of the 11th c.]. В: Георгиев, П., Дмитров, Я. (ред.), *Плиска-Преслав 13. В памет на професор Тотю Тотев (1930–2015)*. София: НАИМ БАН. С. 495–508.

Толочко, П. П. 2016. *Откуда есть пошла Русская земля*. Киев: Русь-ке слово.

Фетисов, А. А. 2002. Ритуальное содержание «клятвы оружием» в русско-византийских договорах X в. В: Робинсон, М. А. (отв. ред.), *Славянский альманах 2001*. М.: Индрик. С. 36–46.

Фомин, В. В. 2005. *Варяги и варяжская Русь. К итогам дискуссии по варяжскому вопросу*. М.: Русская панорама.

Циммерлинг, А. В. 2021. Имена и сообщества: варяги, колбяги и викинги вокруг Балтики. В: Матьцина, И. В. (отв. ред.), *Гуманитарный полилог: сб. статей к юбилею Елены Михайловны Чекалиной*. М.: МАКС Пресс. С. 247–254.

Lebecq, S. 1989. Frisons et Vikings: remarques sur les relations entre Frisons et Scandinaves aux VIe-IXe siècles. In: *Les mondes normands (VIIIe–XIIe s.)*; *Actes du deuxième congrès international d'archéologie médiévale* (Caen, 2–4 Octobre 1987). Caen: Societe d'Archeologie Medievale. Pp. 45–59.

Reabtseva, S. S. 2014. Contacts between Eastern Europe and Great Moravia. In Kouřil, P. (ed.), *Great Moravia and the Beginnings of Christianity*. Brno: The Institute of Archaeology of the Academy of Sciences of the Czech Republic. Pp. 170–177.

Romanchuk, A. A. 2023. “Blind Spots” of the “Scandinavian-Centric” Hypothesis on the Origin of the Old Russian State. *Social Evolution & History* 22(2): 94–110.

Shchavlev, A. S. 2025. People Rus’ in the Ninth – Middle Eleventh Centuries: New Approaches to the Study of Ethnogenesis and Politogenesis. *Social Evolution & History* 1 (in print).